KILIN A.P., Ekaterinburg, Russia

“WE SHALL LIVE” (BUDEM ZHIT’): FROM EXPERIENCE OF FIGHTING PRIVATE TRADE IN THE URALS IN THE DAYS OF THE NEW ECONOMIC POLICY (NEP)

А.П. КИЛИН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

«БУДЕМЪ ЖИТЬ». ИЗ ПРАКТИКИ БОРЬБЫ С ЧАСТНОЙ ТОРГОВЛЕЙ НА УРАЛЕ В ГОДЫ НЭПа

Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда, проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования».

Abstract

In the period of the New Economic Policy private trade was set in opposition to state trade and cooperation, which resulted in ambiguity of private traders’ social status and marginality of their legal status. Thus, we obtain data on this social group from materials giving it a negative assessment. Drawing on investigatory and court records (1929) the article reviews a case from trade practices of Mirkin brothers, shopkeepers in Sverdlovsk. To optimize the profit they used alphabet code to reference to shop cost of the goods. The cipher key was phrase Budem zhit’ (“We shall live”), which not only served its utilitarian purpose, but also motivated the staff. The cipher key phrase stroke a discordant note to the state policy aiming to eliminate of private trade and contrasted with the image of Sverdlovsk as proletarian capital of the Urals. The reaction of authorities to the phrase was predictably negative: they saw it as a sign of challenge and protest. The author concludes that state tax structuring was pervasive, while record-keeping system in private sector aimed to conceal traders’ profit. The fiscal control was far from ideal. Tax officials neglected their duties and levied taxes on private trades based on standard income of “typical” shop, that is, on sector average. Preponderance of ideology over economy resulted in assessment of any occurrence in terms of class theory as struggles between the old and the new, the evil and the good. Accordingly, tax authorities were not only an instrument of government revenue replenishment, but that of requital and expropriation of ill-gotten gains in benefit of socialized sector in keeping with Yevgeni Preobrazhensky’s theory of “primitive socialist accumulation”.

Аннотация

Частное торговое предпринимательство в годы Нэпа противопоставлялось государственной торговле и кооперации, что приводило к двойственности социального положения и маргинальности правового статуса частного торговца. Поэтому информацию об этой социальной группе мы получаем из материалов, в которых она представлена в негативном контексте. В статье на материалах судебно-следственного дела 1929 г. рассматривается пример торговой практики владельцев магазинов в г. Свердловске братьев Миркиных. С целью оптимизации прибыли ими использовался буквенный код для обозначения себестоимости товара. Ключом являлась фраза «Будем жить», которая служила не только утилитарным целям, но и создавала позитивную мотивацию для персонала. Ключевая фраза явно диссонировала с политикой государства, направленной на ликвидацию частной торговли, контрастировала с образом Свердловска как пролетарской столицей Урала. Закономерна и негативная

реакция властей на эту фразу, которая могла восприниматься ими как вызов и выражение протеста. Сделан вывод о том, что практика оптимизации налогообложения со стороны государства была распространена повсеместно, а система учета в частном секторе - нацелена на сокрытие реальных доходов предпринимателей. Нельзя признать совершенной и систему финансового контроля. Налоговые работники оптимизировали свои трудовые затраты и облагали налогами частных торговцев на основе расчета доходов «типовых» заведений, по средним показателям. Доминирование идеологии над экономикой, предопределяло рассмотрение любых явлений действительности под классовым углом зрения, в контексте борьбы «старого» и «нового», «добра» и «зла». Соответственно на налоговые органы накладывались обязательства быть не столько инструментом для пополнения доходной части бюджета, сколько инструментом «возмездия», экспроприации, как представлялось, незаконно нажитых средств частником в пользу обобществленного сектора, в духе теории «первоначального социалистического накопления» Евгения Преображенского.

Keywords

Archive, source, trade, NEP, tax, prices, methods, expedients, alphabet code, the Urals.

Ключевые слова

Архив, источник, торговля, Нэп, налоги, цены, методы, приемы, буквенный код, Урал.

Весьма распространенное выражение «Я не торгаш», которое порой служит моральным

оправданием собственной бедности и нежелания приспосабливаться к изменениям на рынке труда, демонстрирует зачастую негативное отношение наших соотечественников к этому виду деятельности, дискриминируя ее в общественном сознании. При этом материальный достаток, наличие связей и статусность людей, приближенных к системе торговли и распределения, может стать основой для мифов об исключительном богатстве представителей данной социальной группы, особенно в кризисные периоды истории, а также и предметом зависти. Помимо общего неприятия имущественной дифференциации и негативного отношения к предпринимательской деятельности в российском обществе, которая часто противопоставляется работе на благо всего общества и государства, посредническая деятельность особенно не в чести. В торговле доход всегда получают не от земли или производства, а благодаря навыкам и умениям, которые нематериальны, не осязаемы и, по мнению обывателей, не «праведны» и могут носить откровенно криминальный характер. При этом весьма распространенной являлась позиция людей, при которой осуждение торговой деятельности сочеталось со стремлением воспользоваться связями с представителями этой группы, особенно в условиях господства тотального дефицита.

Не способствовали открытости двойственность и неполноценность, а порой маргинальность, социального статуса торговца, что особенно ярко проявилось в годы советской власти, когда идея рационального распределения доминировала над идеей коммерческого расчета. Ряд мер, предпринятых государством с целью «очистить» торговлю от всех негативных характеристик, привели к замене торговли рыночного типа «советской торговлей», а торговца заменили сначала «красным купцом», и впоследствии «работником прилавка». Покупатели и продавцы традиционно сосуществуют по разные стороны прилавка, являясь по сути представителями противоположных интересов. Этот антагонизм можно признать традиционным, о чем свидетельствуют наблюдения министра торговли и промышленности (1903—1915 гг.) С.И. Тимашева: «Крупная ошибка заключается в смешении понятий "торговля", "промышленность" – с одной стороны, с понятиями "торговец", "промышленник" – с другой. Большинство обывателей суть покупщики, заинтересованные купить дешевле; им противостоят торговцы, желающие продать дороже. Между обоими лагерями непримиримая вражда. И это нерасположение к торговцу, а также к производителю-фабриканту переноситься на самую их деятельность».

Попытки сгладить это противоречия в советский период, в рамках плановой экономики, нельзя признать удачными: в условиях тотального дефицита государственный аппарат работал отнюдь не на идею «классового мира» и всеобщего равенства, а распределение осуществлялось строго с учетом места в номенклатурной иерархии, оно не было ни равным, ни всеобщим.

Не столь далекое для России традиционное общество, сохранившиеся «феодальные» и прочие пережитки, предопределяли механизмы поиска работы и формирование коллектива не столько на основании профпригодности, сколько степени лояльности и родственных связей. Зачастую торговые коллективы складывались на основе этнической или конфессиональной общности. Религиозные и традиционные ценности компенсировали недостаток корпоративной культуры, предопределяли специфику бизнеса. При этом «правила игры», доверительные партнерские отношения не распространялись на «чужаков», представителей «внешнего мира».

Не только внутренние, но и внешние причины обуславливали замкнутость торговых корпораций. Мощным стимулом было стремление уйти от контроля со стороны государства, административных и фискальных органов. Эти черты можно отнести к особенностям национальной модели корпоративного управления, которые воспроизводятся в различные исторические эпохи, как в рамках рыночной, так и плановой экономики.

Замкнутость частнопредпринимательской торговой среды порождает проблему поиска источниковой базы для проведения исследований. Дефицит информации сочетается с тенденциозностью. В подавляющем большинстве информацию о деятельности частного предпринимателя в 1920-1930-е гг. мы получаем из материалов, в которых частный торговец представлен в негативном свете. Это газетные публикации (репортажи с мест, фельетоны, карикатуры, материалы под рубрикой «из зала суда»); личные дела торговцев, которые ходатайствовали о восстановлении их в избирательных правах, утраченных в соответствии с Инструкцией о выборах в Советы; судебно-следственные дела, в которых частные торговцы выступали в роли обвиняемых или проходили свидетелями по делу. С горечью приходиться констатировать, что ничто не позволяет так подробно ознакомиться с образом жизни человека, как опись его имущества и показания, данные следователю соседями, уволенными им работниками, коллегами и конкурентами. Именно судебно-следственные дела позволяют нам со всеми подробностями, с различных идеологических и экономических позиций рассмотреть специфические практики торговой деятельности.

Судебно-следственные дела представляет собой разновидность делопроизводственной документации, содержат комплекс материалов, фиксирующих все стадии разбирательства и достаточно подробно изучены в источниковедении. В состав судебно-следственных дел входят постановления (о возбуждении дела, о принятии дела к производству, о задержании, об избрании меры пресечения, о назначении экспертизы, о завершении следствия и передачи дела в суд, о прекращении дела); протоколы (допросов обвиняемых и свидетелей по делу, очных ставок, судебных заседаний, заседаний контрольных органов, инициирующих судебное разбирательство); описи

имущества; анкета арестованного (включающая в себя краткую запись антропометрических данных, которая позволяет представить облик человека, так как фотографические изображения встречаются редко); документы, характеризующие личность подследственного или свидетелей (характеристика, биография, трудовой или послужной список, анкеты госслужащих, справки с места учебы, работы, воинской службы, справки представителей правоохранительных и финансовых органов); акты экспертиз и проверок (акты судебных экспертиз порой дублировали собой акты ревизий и проверок, осуществленных в административном порядке); показания обвиняемого (которые были написаны им самим и оформлялись в виде протоколов, но могли быть представлены и в виде отдельных документов, например, в виде подробной автобиографии); его заявления и ходатайства; обвинительное заключение (содержащее перекрестные ссылки с материалами дела); судебное решение; кассационные жалобы и т.д.

Рассматриваемое нами «Дело по обвинению А.А. Гудкова, М.В. Мухина, А.Г. Якобсона, П.С. Логинова, Ф.Ф. Вешкорцева, П.М. Брегман и др. в извращении налоговой политики (01.01.1929—31.12.1929)», хранится в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) в фонде Свердловского областного суда (Ф. 148-р) и состоит из пяти томов, общим объемом более 900 листов. Первоначально на хранение было передано 6 томов дела, объемом 1177 листов. Однако том 6, судя по описи, выбыл, а в Деле фонда отсутствует информация об этом факте. Возможно, дело было передано в суд высшей инстанции, либо изъято прокуратурой в порядке надзора. На основании рассмотренных материалов, можно сделать вывод, что в отсутствующем томе находились часть материалов по делу, и все документы, связанные с ходом судебного процесса. На данный момент эти материалы не обнаружены и нельзя сделать окончательный вывод о результатах процесса. Поиск информации в периодических изданиях, в частности, в газете «Уральский рабочий», также не дал результатов. В номере от 26 февраля 1930 г. был опубликован развернутый материал «Дело о миллионах, подаренных частнику», в котором описывается суть дела, говорится о начале судебного процесса, дается обещание держать читателей в курсе дела, однако в последующих выпусках газеты информация о ходе судебных слушаний и приговоре отсутствует.

Материалы рассматриваемого нами судебно-следственного дела выходят далеко за пределы сути разбирательства и охватывают широкий круг участников, как представителей финансовых организаций, так и частных предпринимателей, включая членов их семей.

В процессе изучения Бюллетеня финансового и хозяйственного законодательства, который издавался Народным комиссариатом финансов (далее — НКФ) с 1925 г., было обнаружено Циркулярное письмо Народного комиссариата юстиции РСФСР Н.М.

Янсона № 93 от 5 июля 1929 г., в котором говорилось: «Наиболее слабым местом нашего уголовного судопроизводства является постановка дела предварительного расследования. Значительную часть следственного производства составляют многочисленные протоколы допросов следователей. Однако практика показывает, что большинство этих протоколов не имеет никакой ценности для позднее разбирающего дело суда; допрашиваемые в качестве свидетелей лица очень часто либо ничего не знают по делу, либо дают несущественные показания, и среди них тонут и теряются показания, действительно существенные и решающие дело. Эти, не имеющие для дела значения, показания, тем не менее, очень подробно, подчас дословно, записываются в формальных протоколах допросов, составление которых, отняв у следователей или агента дознания очень много времени, ничем расследованию дела не помогают, а лишь тормозят его…».

Таким образом, избыточность протоколов допросов и наличие «лишних» документов, включенных в судебно-следственные дела, тормозили ведение следствия. Напротив, с точки зрения современных исследователей, эти документы уникальны, так как служат ценным источником для реконструкции прошлого, позволяют изучить судьбу человека, который жил в этот очень непростой период отечественной истории.

Новая экономическая политика во многом уникальный этап в истории России, демонстрирующий симбиоз жесткого администрирования и экономических методов борьбы с частными торговцами. В 1929 г., в связи с изменением стратегии развития страны, нажим на частника усилился. Помимо прямого административного давления непосредственно на частника, начался «поход» против сочувствующих или, по определению Ю. Ларина, «агентов и соучастников частного капитала в госаппарате». На всю страну прогремело «астраханское дело», докатилась «астраханщина» и до Урала. В 1929 г. в г. Свердловске шло следствие, разоблачавшее работников Свердловского окружного финансового отдела (Окрфо) Уральской области в злоупотреблениях. Оговоримся, что помимо личной выгоды некоторые работники Окрфо стремились не допустить резкого сокращения налогооблагаемой базы, которое неминуемо последовало бы за ликвидацией крупных частных предприятий. Заинтересованность была прямая, так как из местного бюджета финансировалась деятельность ряда государственных организаций. Финансовые инспекторы находились в положении, когда им могли предъявить претензии не только по административной, но и по политической линии. Ревизор Народного комиссариата финансов резюмировал результаты проверки следующим образом: «Первый участок — недообложение (правый уклон), Второй участок — нет ни того ни другого, то есть обложение произведено правильно (центральная линия), Третий участок — небольшое переобложение (левый уклон)».

В рамках данной кампании, подверглись ревизии заведения братьев Миркиных (Вульф и

Лейб Залмановичи), которые занимались торговлей в Свердловске и имели несколько магазинов. Были допрошены как владельцы предприятия, так и служащие. Выяснилось, что в качестве основания для начисления налога налоговыми инспекторами использовались бухгалтерские книги Миркина, качество составления которых вызывало сомнения у ряда экспертов (по терминологии тех лет, книги считались «опороченными»). Как результат – государство недополучило сотни тысяч рублей налоговых поступлений.

Вызвала много вопросов и политика ценообразования в заведениях братьев Миркиных. Формирование отпускной цены в рознице осуществлялось не только на основе экономических характеристик, калькуляции затрат и планируемой прибыли, но и исходя из субъективной оценки личности покупателя. Торговец, в этой ситуации, должен был быть психологом, понимать мотивацию клиента, степень его заинтересованности в товаре, «на вскидку» определить его платежеспособность. Диалог, построенный на взаимном недоверии, но облеченный в максимально располагающую манеру, предусматривал ряд традиционных маркетинговых приемов (скидки, кредит, подарки, бонусы и прочее).

Необходимость маневра с ценами предопределила использование соответствующих приемов и методов торговли. В протоколе допроса продавца заведения И.Ф. Гаранина читаем: «Фирму Миркина я знаю с 1926 г. Мне известно, что фирма за последние годы особенно развилась и росла. Особенно расцвет фирмы был с переходом в новое помещение, нужно сказать, что здесь торговля шла сверх всяких ожиданий. Выручка в день достигала до 2000 рублей В большинстве же торговля была очень крупная, при такой торговле упомнить продаваемые вещи не было возможности. Бывали выручки на 2600 рублей в день. При продаже товаров талонной системы не велось и все это передавалось хозяину — Миркину, который был сам кассиром и проводил по ведомости проданный товар».

Предприниматели разработали весьма простую, но, судя по результатам торговой деятельности, эффективную систему для работы с оптовыми покупателями. В протоколах допросов приводится пример использование буквенного кода для обозначения цены товара, который был выложен в торговом зале или на складе и был доступен покупателям. Цена, точнее - себестоимость товара, обозначалась не цифрами, а буквами. Продавец, в зависимости от ситуации, времени продажи, качества товара и личных особенностей покупателя мог устанавливать торговую наценку в определенных пределах, тем самым пытаясь извлечь максимальную прибыль и ускорить товарооборот заведения. И.Ф. Гаранина показал: «Символ «Мы будем жить» был введен для определения своей цены, так как установленных открытых продажных цен не было и эти символические знаки означали свою цену, из расчета которой мы должны были исходить, набавляя, по указанию Миркина, по 40% и больше. Наценка товарная на

оптовые продажи минимум 15%, максимум 36%. Розничные цены от 40% до 50%. При продаже, таким образом, Миркин мог накладывать любой процент прибыли в зависимости от рынка и этим самым извлекать большую прибыль и скрывать прибыль от Окрфо».

Доминирование идеологии над экономикой, предопределяло рассмотрение любых явлений действительности под классовым углом зрения, в контексте борьбы «старого» и «нового», «добра» и «зла». Соответственно на налоговые органы накладывались обязательства быть не столько инструментом для пополнения доходной части бюджета, сколько инструментом «возмездия», экспроприации, как представлялось, незаконно нажитых средств частником в пользу обобществленного сектора, в духе теории «первоначального социалистического накопления» Евгения Преображенского. В этом контексте вполне понятно, почему у надзорных органов вызывали подозрения и явно негативную реакцию не только нарушения в сфере ценообразования, но и сам слоган «Будем жить!», противоречащий политике государства, которая была направлена на ликвидацию частного предпринимательства.

References

1. Kilin A.P. Chastnaja torgovlja i kredit na Urale v 1920-e gody. [Private trade and credit in the Urals in the 1920s]. Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost': Sb. nauch. tr. Vyp. 3 [Document. Archive. History. Contemporaneity]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Un-ta publ., 2003, pp. 118—147; Available at: http://hist.igni.urfu.ru/dais/articles/3/Kilin.doc (accessed 10.05.2016).

2. Larin Ju. Chastnyj kapital v SSSR [Private capital in the USSR]. Moscow-Leningrad, Gos. izd-vo publ., 1927, 312 p.

3. M. N. Delo o millionah, podarennyh chastniku [The case of millions given to a private trader]. Ural'skij rabochij, February 28, 1930, p. 5.

4. Prohorov A.P. Russkaja model' upravlenija [The Russian management model]. Moscow, Jeksmo publ., 2007, 384 p.

5. Rusina Ju.A. Istochnikovedenie novejshej istorii Rossii [Source studies in modern history of Russia]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta publ., 2015, 236 p.

6. Shepelev S.T. Carizm i burzhuazija v 1904—1914 gg.: problemy torgovo-promyshlennoj politiki [The tsarist government and the bourgeoisie in 1904—1914: Issues of commercial and industrial policy]. Leningrad: Nauka publ., 1987, 272 p.

Список литературы

1. Килин А.П. Частная торговля и кредит на Урале в 1920-е годы // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 3. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. — С. 118—147; Электронный ресурс. Официальный информационный сайт департамента «Исторический факультет» УрФУ. Режим доступа: URL: http://hist.igni.urfu.ru/dais/articles/3/Kilin.doc (дата обращения: 10.05.2016).

2. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. - М.-Л.: Гос. изд-во, 1927. — 312 с.

3. М. Н. Дело о миллионах, подаренных частнику // Уральский рабочий. - 1930. - 28 февраля. - С. 5.

4. Прохоров А.П. Русская модель управления. - М.: Эксмо, 2007. — 384 с.

5. Русина Ю.А. Источниковедение новейшей истории России. - Екатеринбург: Изд-во

Урал. ун-та, 2015. — 236 с.

6. Шепелев С.Т. Царизм и буржуазия в 1904—1914 гг.: проблемы торгово-промышленной политики. - Л.: Наука, 1987. — 272 с.

About author

Kilin Alexey Pavlovich, PhD in history, assistant professor of the document and information support of management department of the history faculty of the First President of Russia Boris Yeltsin Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation, +7-922-227-12-25, Alexey.Kilin@urfu.ru

Сведения об авторах

Килин Алексей Павлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры документационного и информационного обеспечения управления департамента «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. Первого президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 8-922-227-12-25, Alexey.Kilin@urfu.ru

You can read completely article in the russian historic-archival magazine “The Herald of an Archivist”. Read more about terms of subscription here .

Полностью материал публикуется в российском историко-архивоведческом

журнале ВЕСТНИК АРХИВИСТА. Ознакомьтесь с условиями подписки здесь .